

Жительница Екатеринбурга Нина Киселева (имя и фамилия изменены — прим. ред.) отсудила у ЦГКБ №23 542,583 тысячи рублей за то, что во время плановой операции по удалению тех зубов ей сломали челюсть и повредили гайморову пазуху. После этого было проведено новое оперативное вмешательство, которое привело к поражению нервных стволов и, в итоге, к дефекту профессиональных навыков (женщина — музыканта — прим. ред.), рассказал JustMedia президент ассоциации региональных медицинских страховщиков «Территория» Максим Стародубцев. По его словам, Нина Киселева поступила в отделение челюстно-лицевой хирургии ЦГКБ №23 в апреле 2011 года для проведения плановой операции. Перед госпитализацией она, по требованию консультантов больницы, за свой счет провела необходимый ряд диагностических исследований, в том числе компьютерную томографию лицевого скелета и ортопантограмму (ОПТГ). Результат КТ был ей выдан на электронном носителе (CD-диске), который она отдала в больницу примерно за месяц до операции. Однако ни в день поступления в стационар, ни позже врач так и не ответил на вопросы пациентки о результатах КТ, каждый раз ссылаясь на то, что диск еще не открывал и не смотрел. «При удалении верхнего зуба произошла гайморотомия — проникновение в верхнечелюстную (гайморову) пазуху с необоснованным удалением хирургом слизистой оболочки пазухи. При удалении нижнего зуба произошел перелом угла нижней челюсти. Наложив на перелом шины, врач объяснил женщине, что «такое иногда случается», и сказал, что «челюсть, возможно, срастется после трехнедельного ношения шин», — говорит Максим Стародубцев.

Состояние женщины после операции было ужасным. Половина лица у нее отекала настолько, что её даже не узнали родственники. Из-за сильной боли она не могла полноценно питаться, спать, разговаривать. Более того, заболевания и травмы челюстно-лицевого аппарата могли привести к утрате ее профессиональной трудоспособности и, естественно, очень пугали женщину.

«Традиционно отношение медицинского персонала к случившемуся было абсолютно равнодушным. На следующий день после операции пациентку никто не осматривал. За всё время нахождения в шинах ни разу не менялись резиновые тяги, не проверялась правильность прикуса, хотя в своей медкарте женщина позже с удивлением увидела записи о том, что прикус проверялся, а у нее «не было жалоб». Спустя некоторое время, в той же ЦГБ №23 ей сделали рентгеновский снимок шинированной челюсти, однако его качество было настолько низким, что врач ничего не смог разглядеть. Тогда уже в травмпункте ЦГБ №23 за свой счет женщине пришлось делать обзорный снимок (ОПТГ), но при этом больной не выдали ни чека, ни квитанции, а добиваться получения этих документов у неё не было сил. На снимке стало заметно смещение отломков кости челюсти, однако лечащий врач не придавал этому значения, сказав: «Ну ладно, сойдет и так...», — говорит Максим Стародубцев.

За время ношения шин из-за сильных переживаний и невозможности полноценно питаться Нина Валерьевна похудела до 38 кг. В конце мая 2011 года контрольный рентгеновский снимок, снова сделанный ей платно, показал, что срастания отломков челюсти не происходит, и она опять была направлена к оперировавшему ее врачу, который назначил ей операцию для остеосинтеза нижней челюсти металлопластинами на июнь.

После операции симптомы поражения нервов левой половины лица стали еще заметнее. Нижняя губа и подбородок больной оказались фактически обездвижены, что повлекло

явную асимметрию лица и существенные нарушения дикции, фатальные для профессии пациентки. Психологическое состояние Нины Валерьевны было столь тяжелым, что после выписки из стационара она была направлена к психологу ЦГКБ №23, у которого она наблюдалась с диагнозом посттравматическая депрессия.

«Все дальнейшие лечебные и диагностические процедуры, лекарства и изделия медицинского назначения, рекомендованные для амбулаторного лечения, женщина вынуждена была приобретать за свой счет, в том числе оплачивать физиолечение (иглорефлексотерапия и миостимуляция). Только через месяц невролог ЦГКБ №23 направил ее на лечение в неврологическое отделение с нейропатией лицевого нерва слева рефлекторного (постоперационного) генеза. Общий срок нетрудоспособности женщины после первой операции составил 190 дней», — рассказал JustMedia Максим Стародубцев.

На досудебную претензию, направленную в больницу, распоряжением главного врача ЦГКБ №23 была назначена служебная проверка, где единственным основанием для дисциплинарного взыскания оказалось «незначительное нарушение» правил ведения медицинской документации в виде отсутствия в ней описания компьютерной томографии. Вместе с тем больница предложила женщине частично возместить затраты на лечение в обмен на письменный отказ от предъявления в будущем любых других требований к ЦГКБ №23. Но, посчитав мировое соглашение на таких условиях неприемлемым и ограничивающим её законные права, Нина Валерьевна от него отказалась.

В итоге суд, с учетом конкретных обстоятельств дела, принимая во внимание профессию истца, требующую адекватной работы мышц и нервов губ, подбородка и нижней челюсти, где имелись повреждения, а также степени вины ответчика, определил взыскать с ответчика (ЦГКБ №23) компенсацию морального вреда в размере 500 тысяч рублей. А также возместить истцу подтвержденные им расходы на лечение на общую сумму 29594,80 рубля и расходы по оплате судебно-медицинской экспертизы 12988,71 рубля.

Источник: JustMedia